

ФРЭНК РИЧАРД СТОКТОН

ИСТОРИЯ ОБ
ОТРИЦАТЕЛЬНОЙ
ГРАВИТАЦИИ

Фрэнк Ричард Стоктон

История об отрицательной

гравитации

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42669880

ИСТОРИЯ ОБ ОТРИЦАТЕЛЬНОЙ ГРАВИТАЦИИ: ООО "Остеон-

Групп"; Ногинск; 2019

ISBN 978-5-900782-05-8

Аннотация

Представляем читателю сборник рассказов Ф. Стоктона, известного у нас, в основном, по одному рассказу: «Девушка (леди) или тигр?» Этот сборник отнесен составителями к юмористическим, и мы, пожалуй, с ними согласимся, назвав этот юмор не «искрометным», а «мягким».

Содержание

История об отрицательной гравитации

5

Конец ознакомительного фрагмента.

27

Фрэнк Р. Стоктон

История об отрицательной

гравитации

и другие избранные истории

в переводах С.Тимофеева

A CHOSEN FEW SHORT STORIES
BY
FRANK R. STOCKTON

Публикуется по изданию: WITH AN ETCHED
PORTRAIT BY W. H. W. BICKNELL. NEW YORK.
CHARLES SCRIBNER'S SONS. 1895. Copyright, 1895, by
CHARLES SCRIBNER'S SONS. THE DE VINNE PRESS.

© Перевод с английского С. Тимофеева, 2019

*** * ***

История об отрицательной гравитации

Я и моя жена остановились в небольшом городке Северной Италии; однажды, приятным весенним вечером мы совершали прогулку, длиною в шесть или семь миль, чтобы увидеть, как солнце скрывается за грядой низких гор к западу от города. Большею частью мы шли по твердой, ровной поверхности дороги, а затем по тропинкам, петлявшим иногда вдоль скал, а иногда – среди небольших зарослей тростника и камыша. Приблизившись к горам, на чьи низкие отроги мы собирались подняться, мы без труда преодолели подъем и оказались на пастбище, которое вело нас, иногда полого спускаясь, а иногда резко поднимаясь, к тому месту, которого мы хотели достичь. Мы боялись опоздать, и поэтому ускоряли шаг, поднимаясь на покрытые травой холмы, но замедляя его, когда нам встречались неровные каменистые места. Я нес рюкзак, плотно прилегавший к моим плечам, а жена – большую мягкую корзину, какую обычно используют туристы. Она продела руку через ручки и придерживала корзину снизу, прижимая ее к себе. Она всегда носила корзину таким способом. В корзине имелось две бутылки вина, одно сладкое – для жены, а второе сухое – для меня. Сладкие вина вызывают у меня головную боль.

Когда мы достигли поросшего травой утеса, хорошо известного любителям наблюдать закат, я сразу подошел к его краю, чтобы не упустить это прекрасное зрелище, а моя жена присела, утолить жажду глотком вина; затем, оставив корзину, приблизилась ко мне. Нам открывался вид непередаваемой прелести. Под нами расстилалась широкая долина всех оттенков зеленого, с пересекающими ее небольшими речушками, с красно-коричневой черепицей крыш, разбросанных тут и там. Ее окаймляли горы, – розовые, бледно-зеленые и фиолетовые, там, где последние лучи заходящего солнца пылали на их вершинах, – и серо-зеленые там, где их окутала тень. И над всем этим – бездонное синее небо Италии, оза-ренное яркими красками заката.

Я и моя жена – американцы; в то время мы были людьми среднего возраста, и нам нравилось находиться в компании друг друга независимо от того, какие красоты нас окружали. У нас был сын, двадцати двух лет, которого мы очень любили; но в то время его не было с нами – он учился в Германии. Обладая хорошим здоровьем, мы, тем не менее, не были особо выносливыми, и, в повседневной жизни, не ходили на столь дальние расстояния. Я был среднего роста, с обычной мускулатурой, в то время как моя жена была пухленькой женщиной, со склонностью к полноте.

Читатель, возможно, будет несколько удивлен тем, что супружеская пара средних лет, не очень сильные, скверные ходоки; дама, нагруженная корзинкой, содержащей пару буты-

лок вина и металлические чашечки, и джентльмен с тяжелым рюкзаком, полным всякого хлама, у него за плечами, отправляются на семимильную прогулку, карабкаются по камням, поднимаются по склонам холмов и при этом у них остается достаточно сил, чтобы любоваться закатом. Это действительно может показаться странным, поэтому попробую объяснить.

Некоторое время тому назад я оставил работу и имел достаточно средств к существованию. Мне всегда нравилось заниматься наукой, а теперь эти занятия стали не просто моим хобби, — я с удовольствием посвящал им большую часть своего свободного времени. Наш дом расположен в маленьком городке; я отгородил себе место, где устроил лабораторию и ставил эксперименты. Я давно занимался поисками того, что могло бы позволить не только производить, но также удерживать и контролировать природную силу, в чем-то сходную с центробежной, которую я назвал отрицательной гравитацией. Название, которое я дал ей, в полной мере отражает ее сущность. Положительная гравитация притягивает все предметы к центру Земли. Поэтому, отрицательная сила тяжести есть то, что отталкивает их от центра Земли, точно так, как отрицательный полюс магнита отталкивает иглу, а положительный полюс — притягивает. Моя задача заключалась в том, чтобы сохранить действие центробежной силы и сделать его постоянным, контролируемым и доступным для использования. О выгодах такого открытия можно

не распространяться. Оно значительно облегчило бы наше существование.

Не буду рассказывать об испытанных мною радостях и разочарованиях. Достаточно сказать, что несколько лет не прошли даром: наконец-то мне удалось найти способ получения, сохранения и управления отрицательной гравитацией.

Механизм моего изобретения был довольно сложен, но метод работы – очень прост. Прочный металлический корпус, около восьми дюймов в длину и полдюйма шириной, содержал детали, необходимые для создания силы; они приводились в действие давлением винта, имевшего вывод наружу. Как только возникало давление, появлялось и сохранялось отрицательное гравитационное поле, и чем большее давление оказывалось, тем большая сила возникала. Как только винт начинал двигаться в обратном направлении, давление снижалось, сила уменьшалась, и когда винт принимал свое первоначальное положение, действие отрицательной гравитации полностью прекращалось. Таким образом, можно было регулировать величину отрицательной гравитации по желанию, а ее действие до тех пор, пока сохранялось необходимое давление внутри корпуса.

Когда этот маленький аппарат заработал, к моему удовлетворению, я позвал жену в лабораторию и объяснил ей суть своего изобретения и его значение. Она знала, что я работаю над чем-то очень важным, но никогда прежде я не гово-

рил ей о цели своей работы. Я сказал, что если меня ожидает удача, я расскажу ей все; если же нет – то не стоит беспокоить ее по пустякам. Будучи очень разумной женщиной, она вполне удовлетворилась моими объяснениями. Теперь же я объяснил ей все как можно подробнее – конструкцию аппарата, а также те области, в которых он может быть использован. Я объяснил, что она может уменьшить, а то и сделать полностью невесомым любой объект, любую вещь. Тяжело груженная повозка, если к ней с обеих сторон прикрепить по одному моему аппарату, создающему надлежащей величины силу, будет приподнята и поддерживаема в таком состоянии, что оказываемое ей давление на землю не будет превышать давления, создаваемого пустой тележкой, так что с ней легко сможет справиться даже маленькая лошадь. С кипой хлопка, с одним прикрепленным к ней аппаратом, сможет справиться любой мальчик. Автомобиль, если к нему прикрепить несколько аппаратов, смог бы подняться в воздух, подобно воздушному шару. Все, что было тяжелым, теперь можно будет сделать легким; а так как большая часть труда, во всем мире, тратится на преодоление гравитации, мой аппарат, создавая отрицательную гравитацию, уменьшит вес и облегчит труд. Я рассказал ей о том, где и как можно использовать мое изобретение, и рассказал бы гораздо больше, если бы она вдруг не расплакалась.

– Мир получит нечто замечательное, – воскликнула она в перерывах между всхлипываниями, – но я... я потеряю му-

жа.

— Почему ты так думаешь? — спросил я, крайне удивленный.

— Никогда прежде, — сказала она, — я не вмешивалась в твои занятия, потому что это доставляло тебе радость, потому что они не влияли на нашу семейную жизнь, на наше тихое семейное счастье. Но теперь всему этому придет конец. Ты больше не сможешь принадлежать самому себе. Я уверена, тебя ждет успех, большие деньги, но они нам не нужны. Все, что нам нужно — это та счастливая жизнь, которой мы жили до сих пор. Теперь у тебя будут компании, патенты, судебные процессы, эксперименты, и люди, которые будут называть тебя обманщиком, и другие люди, которые будут утверждать, что давным-давно изобрели нечто подобное, и третьи, которые будут приезжать, чтобы посмотреть на тебя, и ты будешь вынужден ездить в разные места; твоя жизнь коренным образом изменится, и мы никогда не будем счастливы, как прежде. Миллионы не станут заменой счастья, которое мы теряем.

Эти слова моей жены поразили меня, подобно грому. До того, как я все ей рассказал, мой разум начал наполняться идеями относительно того, что мне теперь следует предпринять, когда мое великое изобретение наконец-то было доведено до совершенства. Иное меня не беспокоило. В процессе работы я то отступал назад, то скачком продвигался вперед, но, в целом, чувствовал себя комфортно. Я находил в

работе удовольствие, но никогда не позволял себе быть поглощенным ею целиком. Теперь все стало по-другому. Я начинал осознавать ее связь с собой и моими близкими, мне надлежало подумать о том, как явить мое изобретение миру. Что я должен сделать? Какие шаги должен предпринять? Это изобретение станет известным сотням людей, занимающимся наукой; возможно, они смогут обнаружить иные способы получения того же самого эффекта, который получил я? Я должен предусмотреть многие вещи. Я должен получить патенты на всех континентах. Мой разум начал смущаться и тяготиться этими размышлениями. Подобного рода волнения не соответствуют ни моему возрасту, ни образу жизни. Я не мог не согласиться с моей женой, что стою на грани того, чтобы навек распрощаться с радостями спокойной, безмятежной жизни.

– Дорогая, – сказал я, – мне кажется, что нам это изобретение принесет больше вреда, чем пользы. Я выброшу его из головы, и пусть мир останется таким, каким был прежде. И все же, – с сожалением добавил я, – я ожидал, что его использование принесет нам много пользы.

– Послушай, – откликнулась жена, – может быть, лучше поступить так: используй сколько угодно свое изобретение, для собственного удовольствия и удовлетворения, но мир... мир пусть подождет. Он долго ждал, что ему стоит подождать еще немного? Когда мы умрем, изобретение перейдет к Герберту. Когда он станет достаточно взрослым, то сам ре-

шит, будет ли лучшим пользоваться им единолично или передать всему миру даром. В какой-то мере мы бы обманули его, если бы сами сделали последнее, но было бы неправильно, в его возрасте, взвалить на его плечи такую тяжелую ответственность. И если бы это произошло, мы ничем не смогли бы ему помочь.

Я последовал совету жены. Я тщательно описал свое изобретение, надлежащим образом упаковал и передал моим адвокатам, чтобы они отдали мои бумаги сыну после моей смерти. Если он умрет первым, я предприму иные меры. Еще я решил получить от изобретения все, что только возможно хорошего, никому ничего о нем не рассказывая. Даже Герберту, который в настоящий момент находился вдали от дома, я не собирался ни словом обмолвиться о своем аппарате.

Первое, что я сделал – купил прочный кожаный рюкзак, внутри которого поместил свой аппарат, выведя винт таким образом, чтобы им можно было управлять снаружи. Лямки прочно прижимали рюкзак к моим плечам, моя жена осторожно поворачивала винт, пока аппарат не стал действовать и удерживать меня. Когда я почувствовал себя уверенно, а вес мой уменьшился до тридцати или сорока фунтов, я был готов отправиться на прогулку.

Рюкзак не удерживал меня над землей, но он позволил мне перемещаться очень плавно. Ходьба не доставляла никакого труда; это был восторг, экстаз. Имея силу взрослого человека и вес ребенка, я мог передвигаться, не уставая. В

первый день я прошел с полдюжины миль очень быстрым темпом и вернулся, не почувствовав и тени усталости. Подобные прогулки стали самой большой радостью в моей жизни. Когда никто не видел, я без труда перепрыгивал через забор, иногда придерживаясь за него, а иногда и нет. Я перепрыгивал через ямы, камни и ручьи. Я чувствовал себя Меркурием.

Я принялся изготавливать другой аппарат, чтобы моя жена могла сопровождать меня во время прогулок; но, когда я закончил его, она наотрез отказалась им пользоваться.

— Я не могу носить рюкзак, — сказала она, — вряд ли можно придумать хороший способ, как мне его к себе приспособить. К тому же, всем известно, что я никудышный ходок, и прогулки с тобой ничего, кроме пересудов, не вызовут.

Я иногда использовал этот второй аппарат, но всегда с одной и той же целью. Фундамент стен моего сарая требовал ремонта; во двор была доставлена повозка строительного камня, запряженная двумя лошадьми, и здесь оставлена. Вечером, когда возницы ушли, я взял оба своих аппарата, и прикрепил их, прочными цепями, по одному с каждой стороны груженной повозки. Затем, аккуратно поворачивая винты, я добился того, что вес повозки сильно уменьшился. У нас был старый осел, прежде принадлежавший Герберту, которого мы иногда запрягаем в маленькую тележку, чтобы съездить на станцию. Я пошел в сарай и запряг этого работягу в повозку. Он очень смешно смотрелся — маленький, посреди

длинных шестов и с огромной повозкой позади. Когда все было готово, я повел его; к моему великому удовольствию, он тронул с места повозку, которую прежде тащили две лошади, так же легко, как свою маленькую тележку. Я вывел его на дорогу, по которой он передвигался без малейших затруднений. Он был весьма упрямый ослик, и иногда останавливался, поскольку ему не нравилось, как он был запряжен; но прикосновение стрекала заставляло его двигаться дальше, а вскоре я развернул его, и мы вернулись обратно во двор. Это подтвердило возможность успешного применения моего изобретения для производства самых тяжелых работ; довольный, я отвел осла в конюшню и пошел в дом.

Наша поездка в Европу случилась спустя несколько месяцев после этого, и, в основном, по причине нашего сына Герберта. Он, бедняга, оказался в затруднительном положении, и мы отправились к нему. Он обручился, с нашего согласия, с одной молодой леди из нашего города, дочерью джентльмена, которого мы уважали. Герберт был еще слишком молод для брака, но мы считали, что ему не найти лучшей жены; кроме того, нас полностью устраивало, что стороны договорились на некоторое время отложить его заключение. Нам казалось, что, женившись на Джанет Гилберт, Герберт в самом начале своей карьеры обретет самый важный элемент дальнейшей счастливой жизни. И вдруг, без какой-либо причины, какая показалась бы нам разумной, мистер Гилберт, единственный здравствующий родитель Джанет, разо-

рвал помолвку; вскоре после этого он и его дочь покинули город и уехали на Запад.

Этот удар едва не разбил сердце бедного Герберта. Он отказался от своих профессиональных исследований и вернулся домой; какое-то время мы думали, что он серьезно болен. Мы взяли его с собой в Европу, и после континентального турне оставили, по его собственному желанию, в Геттингене, где, как он полагал, он сможет возобновить прерванную работу. Потом мы отправились в маленький городок в Италии, где и застает нас начало моей истории. Моя жена сильно устала морально и физически, переживая за сына, и я решил, что ей необходимо как можно чаще бывать на свежем воздухе и наслаждаться безмятежными прекрасными видами. С собой я прихватил оба своих аппарата. Один из них по-прежнему находился в моем рюкзаке, а другой я закрепил внутри огромного дорожного сундука. Поскольку на континенте я обязан был платить за каждый фунт багажа, это избавило меня от затрат. Все, что было тяжелого, я упаковал в этот сундук – книги, газеты, бронзу, железо, и мрамор, – собранные нами сувениры, а также тысячу мелочей, которые, как правило, сильно утяжеляют багаж путешественника. Я подобрал воздействие отрицательной гравитации таким образом, чтобы сундук без труда мог перенести обычный швейцар. Я мог бы совсем лишить его веса, но, конечно, не стал этого делать. Впрочем, легкость моего багажа вызывала некоторые сомнения, и мне пришлось услышать не совсем лестные за-

мечания о людях, путешествующих с пустыми сундуками; но они только позабавили меня.

Желая, чтобы моя жена также могла пользоваться преимуществами отрицательной гравитации, совершая прогулки, я вытащил аппарат из сундука и закрепил его внутри корзины, которую она могла носить под мышкой. Это ей очень понравилось. Когда одна рука уставала, она перемещала корзину под другую, и, таким образом, держась за меня свободной рукой, могла передвигаться легко и плавно, благодаря рюкзаку у меня за спиной. Она не возражала против длинных прогулок, поскольку никто не знал, что она не ходок на дальние расстояния; при этом она всегда клала в корзину вино или прохладительные напитки, просто исходя из той мысли, что носить с собой пустую корзину до чрезвычайности глупо.

В гостинице, где мы остановились, были еще англоязычные путешественники, но, как выяснилось, они предпочитали езду пешком походам, поэтому никто из них ни разу не предложил нам совместную прогулку, чему, признаться, мы были очень рады. Впрочем, был там и один бывалый путешественник. Англичанин, член альпийского клуба, носивший бриджи и серые шерстяные гетры до колен. Однажды вечером этот джентльмен заговорил со мной и еще несколькими постояльцами о восхождении на Маттерхорн, и я воспользовался случаем, чтобы в довольно сильных выражениях изложить мой взгляд на подобные подвиги. Я заявил, что они

бесполезны, безрассудны, а в том случае, если у совершающего восхождение есть люди, которым он дорог – то просто безнравственны.

– Даже если погода позволяет наблюдать прекрасные виды, – сказал я, – это ничто, по сравнению с огромным риском для жизни. При определенных обстоятельствах, – добавил я (имея в виду свою идею сделать некий костюм с моим аппаратом отрицательной гравитации и удобно расположенным винтом, который позволит носящему его перемещаться с минимальным риском), – такие подъемы могут быть вполне безопасными и допустимыми, но обычно они не вызывают одобрения у разумных людей.

Член альпийского клуба смерил взглядом мою худощавую фигуру и в особенности тощие ноги.

– Вам легко рассуждать таким образом, – сказал он, – поскольку, как легко заметить, вы совершенно не приспособлены для подобного рода вещей.

– В разговорах, – ответил я, – я никогда не перехожу на личности, но, поскольку вы себе это позволили, то все, чем я могу вам ответить, это пригласить вас прогуляться со мной завтра на вершину горы к северу от города.

– Я согласен, – сказал он, – в любое время, которое вам будет удобно.

Выходя из комнаты, я услышал его смех.

На следующий день, около двух часов, член альпийского клуба и я отправились в горы.

– А что у вас в рюкзаке? – полюбопытствовал он.

– Молоток, который я использую для сбора геологических образцов, фляга с вином и кое-что по мелочи.

– Если бы я оказался на вашем месте, я вообще ничего не взял бы с собой, – сказал он.

– О, пусть вас это не заботит, – ответил я, и мы начали подъем.

Гора, на которую мы совершали восхождение, располагалась примерно в двух милях от города. Ее ближний склон был очень крутой, местами почти отвесный, но с северной стороны она была более пологой; там, к деревне, приютившейся возле вершины, карабкалась, петляя, дорога. Гора была не очень высокой, однако подъем на нее становился возможным только во второй половине дня.

– Полагаю, вы хотели бы пониматься вверх по дороге, – сказал мой спутник.

– О, нет, – ответил я, – не стоит делать такой крюк. С этой стороны также есть подъем, я видел здесь людей, пасших коз. Так что я предпочитаю идти здесь.

– Рад слышать, – улыбнулся он. – Однако вам подъем здесь может показаться очень трудным.

Через некоторое время он заметил:

– Если хотите, мы будем подниматься помедленнее.

– О, нет, я предпочитаю идти быстрым шагом, – ответил я. И мы бодро двинулись вперед.

Моя жена прикрутила винт машины, находившейся в мо-

ем рюкзаке, сильнее, чем обычно, так что ходьба не доставляла мне никаких усилий. У меня также имелся длинный альпеншток, и, когда мы достигли подножия горы, я обнаружил, что с помощью него и рюкзака могу подниматься с замечательной скоростью. Мой спутник взял на себя инициативу показывать мне, как правильно совершать подъем. Прыгая по камням, я быстро обогнал его и пошел впереди. Для него было невозможно держаться со мной рядом. Я взбежал вверх по крутому склону, я сокращал путь, карабкаясь по скалам, но даже когда я шел по узкой тропе, мой шаг был таким быстрым, словно я иду по равнине.

– Послушайте! – крикнул джентльмен из альпийского клуба снизу. – Вы сорветесь, если будете подниматься таким образом! Так никто восхождения не совершает.

– Кроме меня! – ответил я. И снова принялся совершать прыжки.

Спустя двадцать минут после того, как я достиг вершины, мой спутник присоединился ко мне, пыхтя и вытирая платком красное лицо.

– Черт побери! – воскликнул он. – Никогда в жизни мне не приходилось забираться на гору так быстро.

– Вы не очень-то поторапливались, – холодно ответил я.

– Я боялся, что с вами что-то случится, – прорычал он, – и хотел притормозить вас. Никогда не видел человека, который бы взбирался на гору таким нелепым способом.

– Не понимаю, почему вы называете этот способ неле-

мым, – сказал я, улыбаясь с видом превосходства. – Я добрался сюда в прекрасном состоянии, не вспотев и не устав.

Он ничего не ответил; отошел на некоторое расстояние, обмахиваясь шляпой и бормоча под нос что-то, что я не слышал. Через некоторое время я предложил начать спуск.

– Вам следует быть очень осторожным при спуске, – сказал он. – Гораздо более опасно спускаться по крутым местам, чем подниматься по ним.

– Я всегда осторожен, – ответил я и начал спускаться. Я обнаружил, что спуск с горы гораздо приятнее, чем восхождение. Это было очень волнительно. Я спрыгнул со скалы, пролетел вниз восемь или десять футов и коснулся земли так же мягко, как будто сделал всего один шаг, но только двумя ногами сразу. Я пробежал по очень крутому месту и, с помощью своего ледоруба, остановился в одно мгновение. Я был достаточно осторожен и избегал опасных мест, но прыжки и подскоки, которые я совершал, были таковы, какие никогда прежде на этой круче не делал ни один человек. Через некоторое время я услышал голос своего спутника.

– Вы сломаете себе шею!.. – кричал он.

– Не беспокойтесь! – крикнул я в ответ; он остался далеко позади меня.

Когда я достиг подножия, то сначала решил подождать его, но, поскольку разогрелся, а уже начинал дуть прохладный вечерний бриз, подумал, что лучше не останавливаться и не подвергать себя опасности простудиться. Спустился полча-

са после моего прибытия в отель я сошел вниз, остывший, умывшийся, переодевшийся к ужину, как раз вовремя, чтобы встретить члена альпийского клуба, – разгоряченного, покрытого пылью и крайне раздраженного.

– Прошу прощения, что не подождал вас, – сказал я; но он, не останавливаясь, прошел к себе, пробормотав что-то об ожидании в таком месте, куда никто не хочет попасть.

Стоит ли говорить о том, что мое уязвленное самолюбие было полностью удовлетворено.

– Думаю, что теперь, – сказал я жене, поведав ей обо всем, – он вряд ли сможет сказать, что я ни на что не способен.

– Я не уверена, – ответила она, – что это было справедливым состязанием. Он ведь не знал о твоём аппарате.

– Это было вполне справедливо, – возразил я. – Он поднимался, благодаря силе своей конституции и специальной подготовке. Он не говорил мне, какие упражнения использовал, чтобы укрепить мышцы на своих ногах. Я же поднимался с помощью своего интеллекта. Мой метод – это мое дело, равно как его метод – его дело. Так что наше соревнование было честным.

Мой аргумент на нее не подействовал.

– Он думал, что ты будешь подниматься, используя свои ноги, а не свою голову.

Теперь, после этого долгого экскурса, надеюсь, будет понятно, каким образом пара среднего возраста, не приспособ-

собленная к длительным путешествиям пешком, нагруженная тяжелым рюкзаком и корзиной, решила отправиться на прогулку и подняться в горы, преодолев в общей сложности четырнадцать миль, и оказалась на маленькой площадке, наблюдая солнечный закат. Когда небо стало понемногу темнеть, мы повернулись и готовы были вернуться в город.

— Где корзина? — спросил я.

— Я положила ее вот сюда, — ответила жена. — Я повернула винт и положила ее на траву.

— А потом ты достала из нее бутылки? — спросил я, видя их лежащими на траве.

— Да, должно быть, я так и сделала. Чтобы достать свое, мне сначала нужно было удалить твое.

— В таком случае, — сказал я, осмотрев площадку, на которой мы стояли. — Боюсь, ты не полностью вывернула винт, и, когда бутылки были удалены из корзины, она поднялась в воздух.

— Может быть, так и случилось, — сказала она, помрачнев. — Но когда я пила вино, корзина лежала у меня за спиной.

— Думаю, именно так все и было, — сказал я. — Взгляни вон туда! Это и есть твоя корзина!

Я вытащил подзорную трубу и направил ее на небольшое пятнышко, парившее высоко в небе над нашими головами. Я протянул подзорную трубу жене, но она не захотела воспользоваться ею.

– Что мне теперь делать? – воскликнула она. – Я не могу возвращаться домой без корзины. Это ужасно!

Вид у нее был такой, будто она вот-вот собирается заплакать.

– Не огорчайся, – сказал я, хотя и был обеспокоен. – До дома мы доберемся. Положи руку мне на плечо, а я обниму тебя за талию. Подкрути винт так, чтобы аппарат мог поддерживать нас обоих. Я уверен, что все будет хорошо.

Мы так и сделали, но идти нам пришлось с меньшим комфортом. Рюкзак тянул меня вверх, а вес жены – вниз, ремни больно сдавливали плечи, чего не было никогда прежде. Мы больше не перепрыгивали встречавшиеся препятствия, но, держась друг за друга, неловко перебирались через них. Дорога, по большей части, шла в направлении города с небольшим наклоном, так что мы передвигались по ней относительно легко. Но шли мы гораздо медленнее, чем прежде, и совсем стемнело, когда мы добрались до нашей гостиницы. Если бы внутри не горел свет, нам было бы затруднительно ее отыскать. Перед входом стояла коляска, на нее из окна падал свет. Нужно было ее обойти, и моя жена пошла первой. Я хотел было последовать за ней, но, как ни странно, ничего не ощутил под ногами. Я сделал еще шаг, но под ногами по-прежнему был воздух. К своему ужасу, я обнаружил, что поднимаюсь! Вскоре я находился в пятнадцати футах от земли. Коляска уехала; к счастью, в темноте меня никто не заметил. Конечно, я понял, что случилось. Аппарат в моем

рюкзаке был настроен так, чтобы поддерживать вес меня и моей жены, но как только мы расцепились, силы отрицательной гравитации оказалось достаточно, чтобы поднять меня в воздух. Но я почувствовал облегчение, заметив, что, поднявшись на упомянутую мной высоту, не стал подниматься дальше, а повис в воздухе, примерно на уровне окон второго этажа гостиницы.

Я попытался добраться до винта в моем рюкзаке, чтобы уменьшить силу отрицательной гравитации; но, что бы я ни делал, мне это не удавалось. Аппарат в рюкзаке был расположен таким образом, чтобы поддерживать меня самым удобным способом, но при этом невозможно было расположить винт так, чтобы до него можно было добраться без труда. До сих пор в этом не было особой необходимости, поскольку винт всегда поворачивала моя жена, пока желаемая сила отрицательной гравитации не бывала достигнута. Я намеревался, как уже упоминал ранее, создать жилет, в котором винт должен был располагаться спереди, чтобы надевший его мог спокойно поворачивать его без посторонней помощи, но это было делом будущего.

Когда я понял, что не могу дотянуться до винта, то сильно встревожился. Я висел в воздухе и не имел возможности спуститься на землю. Я не мог дожидаться, пока моя жена вернется искать меня, поскольку, естественно, предположит, что я задержался, чтобы с кем-то поговорить. Сначала я подумывал выбраться из рюкзака, но потом решил этого не де-

лать, поскольку неминуемо упал бы и расшибся до смерти, или, в лучшем случае, переломал кости. Я не мог позвать на помощь, поскольку если бы кто-нибудь из простодушных жителей города обнаружил меня зависшим в воздухе, они приняли бы меня за демона, и, вероятно, постарались бы меня подстрелить. Дул слабый ветерок, я медленно дрейфовал вниз по улице. Если бы вблизи меня оказалось дерево, я бы постарался ухватиться за ветки и спуститься, но никаких деревьев не было видно. Тут и там имелись уличные фонари, светившие тусклым светом, но они отбрасывали его на тротуар, так что я оставался в темноте. По большому счету я был даже рад темноте ночи, ибо, как бы я ни желал спуститься вниз, я не хотел, чтобы кто-нибудь обнаружил меня в таком странном состоянии, которое я был бы не в состоянии ему объяснить. Если бы я мог подняться повыше, к крышам, я бы постарался уцепиться за одну из них и, сняв черепичные плитки, набрать их в таком количестве, чтобы мой вес увеличился до нужной величины. Но я не мог приблизиться ни к одной крыше. Если бы мне попался телеграфный столб или что-то в этом роде, я постарался бы ухватиться за него, снять рюкзак и спуститься по нему вниз. Но телеграфных столбов также не попадалось. Даже водопроводные трубы, которых я мог достичь, были вделаны в стены домов. В открытое окно, мимо которого я медленно пролетал, я увидел двух маленьких мальчиков, ложившихся спать при тусклом свете свечи. Я ужасно боялся, что они увидят меня и под-

нимут тревогу. Я подлетел так близко к окну, что был вынужден оттолкнуться от стены дома одной ногой с такой силой, что отлетел едва не на противоположную сторону улицы. Мне показалось, что я увидел испуганный взгляд одного из мальчиков; но не был в этом уверен, поскольку не услышал крика. И продолжал дрейфовать, покачиваясь на лету, вниз по улице. Что было делать? Позвать на помощь? В таком случае, если меня не подстрелят или не забросают камнями, мое странное положение обнаружится, и тайна моего изобретения станет известна всем. Если же я не сделаю этого, то должен или упасть и разбиться, или оставаться в таком положении, пока не умру. В течение ночи воздух становился все более разреженным, я поднимался все выше и выше, возможно, на высоту ста или даже двух сотен футов. Теперь людям было невозможно докричаться до меня и помочь спуститься, даже если мне удастся убедить их, что я не демон. В таком случае мне остается только одно – умереть; а когда птицы небесные съедят все, что смогут, то я останусь вечно висеть над городом, – скелет с рюкзаком на спине.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.